

Поскольку стояло лето, тело, которое только что перевезли из другого города, уже начало разлагаться, поэтому сразу после панихиды его отправили в крематорий. Сы Сянь стояла посреди людного двора, пока холодный пот не проступил на спине, и лишь тогда, придерживая поясницу, шаткой походкой двинулась внутрь. Губы её потрескались от сухости; она уже не помнила, когда в последний раз ела или пила. Ей было невыносимо больно. Каждый раз, когда она хотела что-то сделать, стоило вспомнить, что Цзы Цзюньнин больше никогда этого не сделает, что та навеки заперта в сосуде, как кусок не лез в горло, а вода не утоляла жажду. Даже простая улыбка казалась ей предательством по отношению к Цзюньнин.

Сы Сянь вошла в главный зал. Там было холодно, а лица людей напоминали застывшие маски. По соседству проходила церемония прощания с каким-то профессором — его ученики заполнили всё пространство, и от этого шума у Сы Сянь зазвенело в ушах. Вскоре она увидела, как из коридора морга выкатили каталку. Раздался скрип колёс. Тело было обернуто в пластиковый пакет, наружу выглядывало только лицо. Неужели это Сяо Нин? Отец Цзы Цзюньнин, опираясь на трость, шёл рядом, поддерживаемый такой же шатающейся от горя женой. Следом тянулись родственники. Пожилые родители отказались от помощи посторонних: тело дочери было сильно повреждено, и они, порываясь коснуться её, в ужасе отдёргивали руки. Наконец отец уронил трость, согнулся и зарыдал, что-то невнятно бормоча себе под нос. Глухие стоны старика отозвались болью в сердце Сы Сянь. Женщина, вывозившая каталку, была в маске, её лицо оставалось бесстрастным — казалось, для неё это привычное дело.

Наконец, последняя частица того, что было ей дорого, скрылась в зоне кремации. С этого момента ей предстояло встретиться с этим холодным миром в одиночку. Выйдя из зала, она услышала гул механизмов, то усиливающийся, то затихающий. Это тот самый звук? Тот, что перемалывает её Сяо Нин? Впереди шла молодая пара и о чем-то спорила.

— Неужели останется только такая маленькая коробочка?

— Ну конечно, это же лишь часть. Сотрудники крематория выбрасывают остальное, — мужчина выглядел так, будто гордился своей осведомлённостью. — Кто знает, может, даже на удобрения пускают.

— Ужас какой! Я не хочу, чтобы меня кремировали...

— Заткнись!

Заметив позади себя измождённую женщину, пара, видимо, осознала, что нарушила неписаное правило не говорить дурного о покойных, и поспешила уйти. Слезы, которые Сы Сянь не могла сдержать, хлынули вновь. Её Сяо Нин, её бедная Сяо Нин.

Ещё не успев выйти из крематория, она услышала оклик матери Цзюньнин. Сы Сянь покорно подошла. Мать Цзюньнин, взглянув на округлившийся живот Сы Сянь, протёрла глаза:

— Как ребёнок?

— Всё хорошо.

— Вот и славно.

Сы Сянь попыталась поддержать её, но та отстранилась, сделав шаг назад.

— Забери и ты часть праха Сяо Нин, мы договорились, — наконец охрипшим голосом произнесла женщина.

Сы Сянь замерла, а затем поспешно кивнула. Когда сотрудник вынес фарфоровую урну, перевязанную красной лентой, Сы Сянь вытерла руки и, несколько раз глубоко вздохнув, приняла её. На урне была фотография Цзюньнин, сделанная при жизни: она так радостно улыбалась. Рядом отец Цзюньнин гладил другую урну, что-то неразборчиво приговаривая:

— Ты такая послушная... папа никогда тебя не бил... а теперь приходится... как же ты могла так с нами поступить...

Сы Сянь бережно прижала к себе урну, обхватив её руками. Такая твёрдая, холодная коробка — неужели это и есть её Сяо Нин? Как такой большой человек превратился в эту маленькую коробочку, в горстку пепла? Пока родственники утешали стариков, Сы Сянь вернулась к своей машине и свернулась калачиком на пассажирском сиденье, бледная как полотно. Неизвестно сколько времени спустя кто-то постучал в окно. Сы Сянь механически нажала на кнопку. Это была мать Цзюньнин. Вблизи она казалась совсем старухой: кожа на лице обвисла, появились глубокие морщины, волосы наполовину поседели. Сы Сянь помнила, как во время их последнего совместного обеда мать Цзюньнин выглядела лет на сорок-пятьдесят. Сяо Нин была похожа на неё, такая же моложавая.

— Перед тем как это случилось, Сяо Нин призналась нам во всём, что между вами было. Отец так разозлился, что запретил ей возвращаться домой, — матери потребовалось много сил, чтобы произнести это, голос её дрожал. — Когда отец остынет, приходи. Заберёшь вещи Сяо Нин.

Сы Сянь хотела что-то сказать, но, когда женщина ушла, слёзы просто покатались из глаз. Она открыла телефон. Последнее сообщение от Цзюньнин так и висело в переписке:

Я уехала в другой город на геологическую разведку ^_^

Почему ты поставила смайлик? Ты что, дурочка? В тот момент Сяо Нин наверняка было очень больно: родители выгнали из дома, сама она была занята разводом, уехала в чужие края в полном одиночестве и в одиночестве покинула этот мир.

— Я возвращаюсь домой, что хочешь на ужин?

Сы Сянь несколько раз прерывалась, чтобы сглотнуть ком в горле, прежде чем набрала это сообщение. Отправила. Но в ответ — тишина.

Цзюньнин всегда отвечала ей быстро. Сы Сянь никогда ещё так не ждала ответа.

Вскоре приехал водитель, старина Чэнь, и отвёз её в особняк. Этот дом, расположенный в хорошем районе, она купила сразу после своего первого развода. Цзюньнин вложила много сил, чтобы сделать его настоящим домом. Выйдя из машины, Сы Сянь стояла в саду и смотрела на дорожку из гравия, которую Цзюньнин лично выкладывала под присмотром рабочих, на цветы, искусственные горки и деревянную водяную мельницу. Сы Сянь сняла туфли и ступила на холодные, острые камни. Она вспомнила, как Цзюньнин, вооружившись линейкой, бегала по всему дому, предлагая сделать ремонт. Тогда Сы Сянь была по горло занята делами компании, раздражалась от того, что та постоянно мелькает перед глазами, и отправила её за границу выбирать стройматериалы.

— Сы Сянь, я нашла там отличный камень, он очень приятный на ощупь, если выложить им дорожку, будет очень комфортно ходить.

— Сколько стоит? — нетерпеливо спросила тогда Сы Сянь. Глаза Цзюньнин, до этого светившиеся восторгом, потускнели. — Я... я купила на свою годовую премию.

— Дизайн неплохой, но стройка будет шуметь, у меня потом уши будут болеть.

Ей стоило послушать Сяо Нин и позволить ей переделать эту дорожку. Тогда бы она сейчас не чувствовала такой боли, ступая по этим камням. Водяная мельница вращалась, поливая камни чистой водой из источника, который нашла Сяо Нин. Летом эта вода была прохладной и красиво поблескивала в оранжевом свете фонарей.

Раздался звуковой сигнал. Аватарка Цзюньнин загорелась. Сы Сянь поспешно нажала на неё, испытывая смесь тревоги и надежды.

Это Тан Синь.

Пароль — это твой день рождения и инициалы твоего имени.

Сяо Нин говорила мне, что ты, наверное, не запомнила.

Если хочешь, заходи.

Сы Сянь ответила: Хорошо, спасибо.

Тан Синь хотела написать что-то ещё, но, заметив неодобрительный взгляд мужа, решила

закончить переписку и вышла из сети.

Когда она в последний раз заходила на аккаунт Цзюньнин? Сы Сянь уже не помнила. Они редко переписывались в мессенджере. Она проводила видеоконференции, отправляла документы, переписывалась с сотрудниками, но постоянно забывала просто поговорить с Цзюньнин. Зайдя в аккаунт, она увидела, что в списке контактов Сяо Нин есть особая группа, в которой был только один человек. Группа называлась Любимая. Сы Сянь смутно припомнила: однажды, увидев, что Сяо Нин записала её в обычный список друзей, она самовольно создала отдельную группу и на глазах у Сяо Нин набрала на клавиатуре слово Любимая. Сяо Нин тогда застенчиво опустила голову и улыбнулась — так нежно и робко.

<http://bllate.org/book/21764/2250599>